

Цветущая сложность консерватизма и его критики

Консерватизм, по крайней мере, начиная с XIX века, был одной из четырех ведущих политических идеологий современности. Мы полагаем, что сегодня консерватизм заслуживает более пристального изучения, и тексты этого номера демонстрируют предельную актуальность консервативной мысли. Тот факт, что консерватизм нередко с ностальгией оглядывается назад, вовсе не означает что сам по себе он остается феноменом прошлого. Напротив, его принципиальная роль в современном политическом контексте очевидна. Так, мы наблюдаем подъем консервативных движений, которые часто не распознаются как таковые под оболочкой «популизма». Выступая против расхожей среди многих либералов тенденции демонизировать консерватизм как простую «реакцию», подпитываемую исключительно одиозными и устаревшими идеями, авторы данного номера, которые часто расходятся друг с другом в своих идеологических предпочтениях, тем не менее разделяют между собой стремление отнести к консерваторам всерьез и изучить выдвигаемые ими аргументы.

Некоторые статьи, собранные под обложкой этого номера, затрагивают современные консервативные тенденции как в актуальной политике, так и в идеологическом воспроизводстве — это статья Яниса Милонаса о греческой «Новой демократии» и реконструкция интеллектуальной системы Джордана Питерсона, которую предпринимает в своем тексте Джон Фельдман. Оба автора указывают на смесь подлинно консервативных элементов с относительно недавними, которые обыкновенно кажутся нам либеральными или как минимум «прогрессистскими»: неолиберальное предпринимательство в случае «Новой демократии» и биологический позитивизм/сциентизм в случае Питерсона. Милонас опирается на некоторые уже существующие выводы таких авторов, как Кори Робин (Robin 2017) и Мэтью МакМанус (McManus, 2020), чьи яркие работы представляют быстро растущий корпус исследований консерватизма в современной политической теории.

Разбор правого дарвинизма, предпринятый Фельдманом, рифмуется с эмпирическим исследованием Анны Разуваловой, которая анализирует идиому «социал-дарвинизм» в риторике российских крайне правых. Разувалова показывает, каким именно образом начиная с 1990-х годов российские консервативные авторы атаковали неолиберальные стратегии, трансформируя понятие «социал-дарвинизм», широко распространенное прежде в риторике советских антикапиталистических высказываний. Любопытно, что на сегодняшний день дарвинизм/спенсеризм — политическая, экономическая и научная доктрина середины XIX века — становится ключевым перекрестком мировоззрений. Дарвинизм — это амбивалентный для правых феномен. Это источник соблазна и страха как для консервативных неолибералов, так и для консервативных анти-неолибералов.

Наряду со статьей Разуваловой статья Игоря Кобылина, написанная для этого номера, отсылает нас к 1990-м годам в России, а также к предшествующей позднесоветской эпохе. Однако на этот раз в фокус автора попадает не крайне правый оппозиционный дискурс, а официальная идеология, важное место в которой принадлежало «кибернетике». Кобылин рассматривает в качестве симптоматического случая влиятельные на тот момент теории советского академика Никиты Моисеева. Эти теории не имеют ничего общего с агрессивными конспирологическими построениями Сергея Кара-Мурзы или Захара Прилепина; скорее, они объединяют новые прогрессивные технологии, прото-неолиберальную утопию «правительственности» и универсальные ценности мировой гармонии. Таким образом, в российском контексте, как и в Европе и США, мы обнаруживаем несоответствие между консерватизмом истеблишмента (в данном случае означающим упорядоченные транзакции, идущие сверху вниз от экспертов к «отсталому населению») и протестным консерватизмом (который определяет амбивалентная одержимость дарвинизмом и теориями социальной конкуренции).

Андрей Тесля, специалист по русской интеллектуальной традиции XIX века, вносит важный вклад в исследование ключевого общественного движения этого периода — славянофилов. Тесля показывает, что, вопреки многим оценкам, славянофилы придерживались весьма мягкой версии консерватизма, которая была тесно связана с либерализмом. То есть речь идет о либеральном консерватизме того типа, который мы можем обнаружить сегодня в англосаксонских странах или же у позднесоветской интеллигенции, например, у того же Моисеева.

В современном ландшафте, где консерваторы становятся все более неолиберальными, а неолибералы тяготеют к консерватизму, важно помнить о существовании «подлинного» консерватизма: непосредственной защиты феодальных привилегий, презрения к толпе, апологии войны. Некоторые из этих элементов мы находим у крайне правых, описанных в тексте Анны Разуваловой, однако в этом случае они смешаны с критикой рынка. В своей статье Георгий Ванунц указывает на странный случай открытого консерватизма в самом сердце либерального движения: речь идет о Йозефе Шумпетере. В противоположность традиционному взгляду на Шумпетера как на одного из главных предшественников нео-либерализма, Ванунц открывает этого мыслителя прежде всего как радикального консерватора и создателя героического культа аристократического «предпринимателя», столь отличного от Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана с их рационалистским и функционалистским дискурсом. Таким образом, Шумпетер предстает в качестве весьма современной фигуры, вызывающей ассоциации с радикальными защитниками капитализма вроде британской Группы по исследованию кибернетической культуры (CCCRU).

Находясь на разных политических и философских позициях, все авторы этого номера тем не менее отвергают упрощенный взгляд на консерватизм как на «идеологию», ложную и догматическую систему взглядов, которая не позволяет ее приверженцам принять подлинную реальность. Напротив, консерватизм — и как интеллектуальная традиция, и как направление актуальной политики — представляет интерес именно потому, что он является неотъемлемым элементом самой реальности, ее динамичных конфликтов и противоречий. Мы убеждены, что такой вдумчивый подход к консерватизму — и как к критике современности, и как к ее необходимой части — способен обогатить наше понимание современности как таковой.

Илья Будрайтскис, Артемий Магун